

Прибраться в собственном доме, городе, регионе, стране – идея простая и правильная, но трудно выполнимая без любви, отсутствия которой – следствие неукорененности людей на своей земле. Пандемия коронавируса заставит пересмотреть отношение к своей земле, к малым городам и мегаполисам.

Ключевые слова: Земля; мегаполис; малый город; укорененность; гений места; любовь; пандемия коронавируса. /

To tidy up one's room, city, region or country is a simple and proper idea, though hardly realizable without love. The absence of this love is due to the unrootedness of people. The coronavirus pandemic will make people reconsider their attitude towards their land, small towns and metropolitan cities.

Keywords: Earth; metropolitan city; small town; rootedness; genius loci; love; coronavirus pandemic.

< Екатеринбург. Городок чекистов. Архитекторы И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов. 1929–1936. Памятник архитектуры федерального значения. Вид из окна во двор. Фото Леонида Салмина

Обидный призрак нелюбви / The bitter specter of dislike

Есть старый анекдот. Земля подлетает к Марсу и говорит: «Ох, что-то у меня неладно со здоровьем. Там чешется, тут язвы...» «Да, матушка, – отвечает Марс, – со мной такое было. Болезнь называется цивилизация. Встряхнись как следует – и пройдет!»

Земля задумалась. Пока решила полечиться новым вирусом. Пандемия остановила броуновское движение людей. Опустели города, не летают самолеты, стоят у причалов океанские лайнеры. Люди учатся работать в удаленном режиме, сидя в своих домах и квартирах.

Нет в Венеции *rolli* – куриц (так называют здесь туристов), закрыты рестораны, не принимают гостей отели... И вода в каналах стала чистой. На улицах курортных городков Турции гуляют дикие кабаны, на газонах пасутся овцы. Очистились пляжи. Жители индийских мегаполисов впервые за много лет увидели на горизонте горы. Фотографы делают уникальные снимки пустых городов. На них торжествующая Архитектура, о которой почти забыли в суете, заботясь о комфортной среде, зеленых фасадах и так далее, и так далее, и так далее...

Кардинальная перемена образа жизни, с одной стороны, порождает невроты и стрессы, но с другой – открывает и новые возможности.

Возможно, появлением вируса с красивым названием Covid-19 наша планета решила напомнить людям, что человеческая цивилизация хрупка, идеология общества потребления ведет в тупик, а мегаполисы – явление противоестественное. Нужна была пандемия, чтобы всем стало ясно, что нельзя бесконечно наращивать плотность населения на ограниченной территории, градостроительную политику необходимо переосмыслить, а малые города могут стать комфортным местом для проживания.

Это все так. Но людей, которые могут и хотели бы жить в небольших городках, до пандемии было не так уж и много. Страх, вызванный всепроникающей заразой, заставил многих задуматься о бегстве из мегаполисов и переселении «на природу». Нет, не в глухую деревню, конечно (хотя и такие идеи есть у некоторых). Лучше, чтобы рядом с новым местом жительства был древний монастырь или кремль, которые давно стали частью природы, домики XIX века, чистая речка с ухоженной набережной, песчаные пляжи... И, конечно, чтобы была

хорошая асфальтированная дорога, ведущая к мегаполису, куда можно в любое время приехать: посетить театр, поболеть за любимую футбольную команду, зайти в огромный магазин, да мало ли что еще...

Жизнь в малом городе представляется непременно в собственном доме, и воображение услужливо рисует стандартный образ: сад, терраса, гостиная с арочными окнами, камин, солнечные комнаты для детей... Кричат по утрам петухи, цветут яблони... Идиллия! Михаил Булгаков не мог придумать для Мастера, которому был дан покой, ничего лучше, как поселить его с Маргаритой в доме, оплетенном виноградом. Вероятно, это была и его мечта.

Социолог Эбенизер Говард, мечтавший о справедливости, еще в 1898 г. предложил экономическую идею автономных и самодостаточных поселений за чертой существующих городов, которые, по его мысли, должны были обеспечить людям достойное существование. Первое издание его книги, вышедшее в свет в 1898 г. под названием «Завтра», не привлекло внимания. Но когда во втором издании в 1903 г. он вынес в заглавие магическое слово «город-сад», идея сразу же стала обретать большое число сторонников. Идиллические образы жизни на природе захватили воображение людей по всему миру. Книга Говарда в первом десятилетии XX века расходилась миллионными тиражами. В России эта идея была подхвачена с энтузиазмом. Но экономическая модель Говарда, предполагающая бесплатное выделение земли государством и льготное кредитование, сразу забылась, осталась в тени. Говарда и поныне многие считают архитектором, а его схемы – эскизами генеральных планов новых экологических поселений.

Экономическая идея Говарда в начале XX века была неприемлема для того государственного строя, который существовал в Российской империи. Города-сады стали проектировать и строить крупные предприятия. Председатель правления Московско-Рязанской железной дороги Николай фон Мекк, сын Надежды Филаретовны фон Мекк, меценатки, покровительницы Петра Ильича Чайковского, в районе подмосковной станции Прозоровское задумал построить для работников железной дороги город-сад. Для разработки плана поселения были приглашены

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

^ Евпатория. Санаторий «Октябрь». Архитектор В. Турчанинов. 1940, 1955

^ Санаторий имени XX съезда КПСС (в настоящее время «Таврида»). Архитекторы И. Жолтовский, Ю. Юдин. 1956. Фото Николая Васильева

видные архитекторы: В. Н. Семенов, А. О. Таманян (Таманов), А. П. Иванецкий, В. А. Веснин. Начали строить – но в 1917 г. помешали обстоятельства непреодолимой силы.

Предполагалось, что в Барнауле после страшного пожара 2 мая 1917 г. для погорельцев построят город-сад. 23 октября 1917 г. Барнаульская городская дума утвердила генеральный план, разработанный с участием архитектора Ивана Носовича. Через два дня грянула Октябрьская революция.

Впоследствии о городах-садах часто вспоминали в порывах революционного романтизма начала 1920-х гг. Но новой власти такие поселения были не нужны [1]. Однако исподволь эта идея влияла и на советское градостроительство, правда, исключительно как расположение рядом с жилыми домами скверов, парков, бульваров. Именно таким образом идея города-сада была реализована в генеральном плане Еревана 1920–1924 гг., разработанном А. О. Таманяном и Н. Г. Буниняном. Опыт проектирования Прозоровского не был ими забыт [2].

Пандемия коронавируса сделала идею города-сада вновь актуальной. В какую форму выльется она в XXI веке – пока не очень понятно. Жить в собственном доме на природе мечтают многие. Но кроме удовольствия слушать пение птиц по утрам, человек, переселяясь «на природу», приобретает множество обязанностей. Он становится ответственным за землю, на которой стоит его дом, за растения и животных, то есть обретает корни.

Предположим, будет принято решение реанимировать малые города. Предположим, что часть жителей мегаполисов покинет подверженные заразе «человейники» и переселится в ... (назовите любой малый город на территории России). Но чем будут заняты переселенцы? Не все смогут работать on-line. Генеральная репетиция новой жизни, инициированная пандемией, показала, насколько это сложно и утомительно для многих.

Возрождение малых городов означает создание рабочих мест, развитие производства и... превращение со временем малого города в средний, а затем и в крупный. Предположим, там будут созданы современные роботизированные предприятия, но на таких предприятиях рабочих мест будет немного, и потребуются соответств-

ующий уровень культуры и образования людей. Список проблем можно множить. Большие города успешно решают проблемы занятости, образования и досуга. В малых городах эти проблемы только предстоит решать.

И все-таки самое время подумать о судьбе того места, где довелось жить. Многие не любят свой город и безразлично относятся к своему жилищу. Это понятно: они ежедневно видят коридоры улиц, забытые машинами, стены стандартных домов и квартир, обстановка в которых не отличается разнообразием.

Привычный образ жизни рухнул. Неизвестно, когда снова можно будет беспрепятственно путешествовать по планете. Неизвестно даже, когда можно будет безопасно поехать куда-нибудь в пределах России. Люди начинают вспоминать о земле, на которой они живут. Многие с удивлением узнают, что, оказывается, рядом есть красивейшие места и архитектурные шедевры, но почему-то они не ухожены, а иногда и просто загажены. Памятники архитектуры, достойные удивления, лежат в руинах, по берегам рек мусор...

Везде запустение. Прибраться в собственном доме, городе, регионе, стране – идея, казалось бы, простая и правильная, но... За этим «но» «<...> несуществующий, как вий, обидный призрак нелюбви» [3]. Он бродит по российской земле давно. Этот призрак провоцировал чеховских героев, мечтающих, что когда-нибудь они уедут далеко-далеко и будут там жить полноценной жизнью. Призрак манил «светлым будущим» в 20-х гг. XX века, обманывал энтузиастов 1930-х сначала тем, что бараки – это ненадолго, заводы и фабрики можно строить без очистных сооружений, говорил, что важно производить продукцию любой ценой; потом уверял, что панельные стандартные микрорайоны – это как раз то, что нужно. Сегодня этот призрак нащелтывает (властям? застройщикам? экономистам? урбанистам?), что тридцатизэтажные этажерки – это хорошо, просто замечательно, рационально, выгодно. Повышение плотности населения в исторических центрах городов необходимо. Да, выгодно, в основном тем, кто уже купил загородную виллу или дом на берегу моря и отгородился высоким забором от «нищербродов». Призрак нелюбви давно с ними дружен. И сколько бы ни говорили архитек-

^ Абхазия. Ткуарча (Ткварчели). Проспект Владислава Ардзинба. Конец 1940-х. Фото Николая Васильева

^ Абхазия. Ткуарча (Ткварчели). Проспект Владислава Ардзинба. Конец 1940-х. Фото Николая Васильева

торы-градостроители, что есть альтернатива высотному домостроению, что новостройки очень быстро превратятся в рассадник преступности и болезней, их голос не слышен. Еще в восьмидесятых годах XX века Юрий Петрович Бочаров в своих исследованиях пришел к выводу, что люди, живущие выше 9-го этажа, больше болеют [4, с. 173–176]. А что говорить о тех, кто вынужден будет жить на 20-м, ... 100-м этаже? Но если будут болеть жители «человейников», то неизбежно зараза перекинется и на обитателей элитных поселков.

Covid-19 наглядно показал, где заболеваемость выше – в многоэтажных жилых комплексах нового поколения, в сталинской и хрущевской пятиэтажной застройке или в малоэтажных домах. Не нужно даже проводить специальные исследования: ответ очевиден.

Извечный спор урбанистов и дезурбанистов начался в незапамятные времена. Франческо Петрарка в подтверждение своей мысли о противостественности жизни в городе цитирует стихи Гая Валерия Флакка, римского поэта и писателя I века: «Хором хвалят поэты леса – города ненавидят». Сам он о городах середины XIV века отзывался так: «Кто в состоянии изобразить словами узкие зловонные улицы, вызывающие тошноту, стаи бешеных собак попеременно с гнусными свиньями, грохот колес, сотрясающий стены, кареты четверней, внезапно выезжающие из боковых переулков и загораживающие дорогу, эту разношерстную толпу <...>» [5, с. 389–390]. Но, кляня неудобства, и Петрарка, и его друзья, тем не менее, жили в городах – преимущественно городской жизни переживали недостатки.

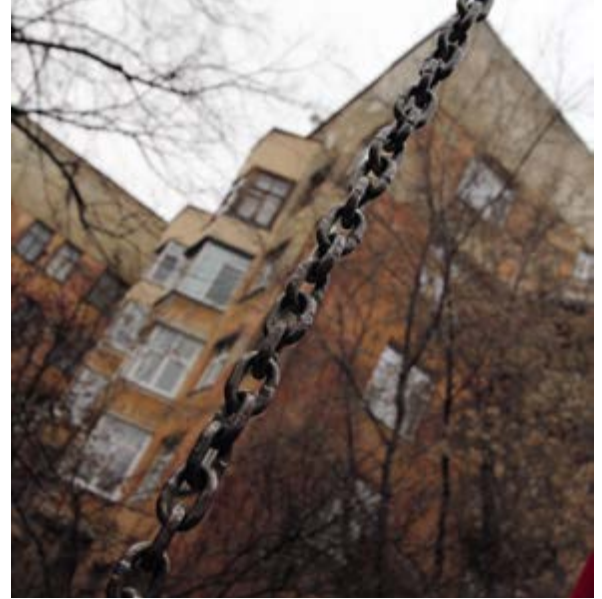
Мистические рыцарские и готические романы XIX века романтизировали средневековые города, к концу XIX века уже изрядно очищенные от нечистот. Многие сегодня с грустью говорят, что реконструкции XIX века разрушили древний Париж. Но именно тогда, в XIX веке Париж приобрел все свои знаменитые имперские ансамбли.

В 1853 г., став префектом департамента Сены, Жорж Эжен Осман, немец по происхождению, чья фамилия на родном языке звучала как Хаусманн, энергично принялся за дело. И Париж, потеряв средневековую застройку, был преобразен. Готический аромат столица Франции утратила [6]. Многие города Европы сохранили

его до сих пор. Все уже давно забыли об антисанитарии и эпидемиях, царивших в Праге, Брюгге, Париже и Реймсе. Ныне восхищает человеческий масштаб средневековой застройки, натуральный камень стен, уют домов, тесно прижавшихся друг к другу... Местные жители работают, в основном, в индустрии туризма, показывая древности стосковавшимся по человеческому масштабу и исторической архитектуре путешественникам. А если туристов не будет?

Принц Уэльский Чарльз, думая, вероятно, что будет инициатором уникального градостроительного эксперимента, заказал в 1989 году Леону Крие создать план образцового города Паундбери (Poundbury) в Дорчестере, образцом для которого должны были послужить средневековые английские поселения [7]. По этому плану в Паундбери не предусмотрено разделение на жилые, деловые и досуговые сектора застройки, преобладают малоэтажные дома, постмодернистский пафос которых кажется сегодня наивным. И принц Чарльз, и Леон Крие искренне верили, что этот «старо-новый» градостроительный принцип спасет мир. Верил в свое время и Эбенизер Говард, что города-сады будут альтернативным элементом расселения и спасут мир.

В СССР в рамках дискуссии урбанистов и дезурбанистов, развернувшейся на страницах журнала «Современная архитектура» в 1930 г. [8], было высказано множество интересных идей, предложены смелые концептуальные проекты. Многие из них не утратили актуальности. Не буду в духе Д. С. Хмельницкого обсуждать причины закрытия журнала конструктивистов и прекращения дискуссии. Их проекты остались на бумаге, но эта работа не пропала даром. Ключевым вопросом, который был поставлен в первом номере СА 1930 г., был вопрос: «Куда идти?» И возможный ответ на него: «Разгрузить город! Перестроить деревню. Передых натруженному транспорту. Заменять старое жилище новым, вгрызаясь жадно в опыт мировой техники. Куда идти – Вперед!» [8, с. 4–6]. Есть в этом журнале мысли о том, что «город – форма расселения», что большой городской дом – «вертикальная форма скученности жилищ, но не жилище» [8, с. 11]. О превращении Москвы в «зеленый город» писали М. О. Барщ и М. Я. Гинзбург. Леонид Пастернак говорил

40

^ Екатеринбург. Городок чекистов. Архитекторы И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов. 1929–1936. Памятник культуры федерального значения. Граффити. Фото Леонида Салмина

о том, что противоречия современных городов будут изжиты, если «<...> сможет не быть ни города, ни деревни, как противопоставляемых качественных антиподов <...>» [8, с. 57]. С этими положениями и сейчас никто спорить не будет. Но как в 1930-м, так и в 2020 году нет однозначных ответов для решения проблем как малых, так и крупных городов. И если в 1930-м были еще иллюзии о возможности коммунистического переустройства мира, а, следовательно, и оздоровлении городов на основе отмены частной собственности на землю и пр., то в 2020-м иллюзии давно испарились, а проблемы остались.

Во многом идеи «НЭР» – нового элемента расселения, предложенные И. Лежавой и А. Гутновым в начале 1960-х гг., идеи линейных городов опираются на разработку Барща, Гинзбурга, Владимирова, Леонидова, Охитовича 1920–1930-х гг. [9]. Эти проекты тоже остались на бумаге.

Как правило, градостроительные теории абстрактны, не привязаны ни к конкретным ландшафтам, ни к регионам. Только любовь людей к земле, на которой они строят свои города и дома, оживляет эти абстракции, и поселения обретают индивидуальность.

В 1930-х гг. наша страна пошла по пути урбанизации, в ходе которой были уничтожены уникальные ландшафты и изуродованы многие исторические города. Власть в то время меньше всего думала о комфортном расселении, о земле. Люди оказались оторванными от своих родных мест. Призрак нелюбви торжествовал.

Архитектурная декорация благоденствия, которого не было и не могло быть в 1930–1950-е гг. в СССР, занимала умы политической элиты, и эта декорация была построена. Торжественные площади, дома с портиками и колоннами и ныне радуют ценителей классицистической архитектуры. Это был триумф каменной монументальной архитектуры. Декорации благоденствия строились на века замечательными мастерами из настоящих материалов. Пышная архитектура сталинского ампира была подобна мраморным сценам античных амфитеатров, которые служили фоном для разыгрывания трагедий и комедий. И неважно, что за пышными фасадами, которые проектировали И. В. Жолтовский и его коллеги, скрывались скромные квартирники или общежития.

Монументальная Архитектура 1930–1950-х гг. уникальна, какую бы идеологическую окраску она не имела в прошлом.

Архитектура рождается в рамках определенной идеологии, но ее достоинства и недостатки не определяются идеологией. В условиях тоталитарной диктатуры могут родиться уникальные архитектурные шедевры. Не зависит качество архитектуры от того, в каких условиях ее создавал архитектор, был ли он крепостным или советским служащим.

Сегодня «призрак нелюбви» витает над постройками 1930–1950-х гг. Многие уже утрачено. И мы можем высказывать сколь угодно тонкие суждения по поводу палладианских прототипов в постройках Жолтовского и Гольца – все это останется в узком профессиональном кругу. Рядом с шедеврами сталинского ампира растут высотки, отнимая у них небо. Выверенные изысканные силуэты архитектурных ансамблей Москвы, Нижнего Новгорода, Иркутска и прочих столичных и нестоличных городов исчезают. Их убивает не только и не столько время, сколько фоновая застройка и непонимание ценности этих домов и ансамблей.

Проблема нездоровья городов стояла во все времена. И будет ли в первой четверти XXI века градостроительная мысль обращена к идее расселения в малых городах, будет ли сделана очередная попытка вылечить мегаполисы – пока никто не знает.

В мире, преодолевшем планетарную заразу, проблема выживания мегаполисов встанет очень остро. Нельзя сказать, что этим не занимались до сегодняшнего планетарного кризиса.

Предлагаются различные урбанистические конструкции и модели. Родилось огромное количество новых терминов. Но какие бы термины ни употребляли теоретики, в любом случае объединяющими началами их теорий являются земля и архитектура, возникшая на этой земле. Культ *genius loci* – духа любви к своей земле – начинает распространяться. Но обидный призрак нелюбви очень силен. И он заражает людей эффективнее, чем коронавирус.

Архитекторам, искусствоведам, историкам ближе всего понятие города как природно-культурного явления с уни-

кальными ландшафтами, мифологией, местными промыслами, архитектурой. Но чтобы на данном ландшафте и в данном климате возникли поселения с самобытной культурой и архитектурой, нужна укорененность людей в этом месте. Стихотворение Пушкина «Два чувства дивно близки нам» именно об этом. Обыкновенно оно печаталось без последних строф, где говорится о том, что любовь к своей земле, где жили поколения предков и к своему дому – «животворящая святыня» [10].

В XX веке сформировалась тенденция разрушения традиционных связей людей с «родными пепелищами». Неужоженная земля и мертвые деревни – следствие этого процесса. Эта тенденция была характерна для страны Советов, где основой идеологии был разрыв с прошлым, построение «нового мира» и «нового человека», вера в «светлое будущее». Но вот парадокс – образы «светлого будущего» в 1930–1950-х гг. рисовались на фоне ордерной традиционной архитектуры. И в то же время разрушались старинные церкви, усадьбы, дворцы, монастыри.

Многие семьи в XX веке в СССР меняли место жительства не по своей воле. Мой дед родился в Кирове (Вятке), окончил Пермский университет, затем аспирантуру в Москве; его, молодого кандидата наук, послали работать в Свердловск (Екатеринбург), затем он работал в Орджоникидзе (Владикавказе), потом снова оказался в Кирове (Вятке), затем в Костроме.

Почему семья моего деда кочевала по стране – отдельная история. Важно то, что в родные места он не вернулся. Разъехались во все концы страны и его сыновья. Есть и более трагические истории отрыва людей от родной земли. Стоит ли удивляться, что потомки не испытывают никаких чувств к «родным пепелищам», не обустриваются надолго в одном месте? Сегодня уехать из России хотят многие молодые люди. Как бы ни лукавили с цифрами разнонаправленные СМИ, тенденция эта есть. Многие уезжают и становятся «гражданами мира».

Существует растение степных и пустынных районов; его высохшие части, оторвавшись от корней, образуют шары, которые катятся по ветру и рассеивают семена. В переносном смысле под «перекати-полем» подразумевают людей, которые постоянно кочуют с места на место. В этом значении «tumbleweed» – перекати-поле – часто встречается в американской фолк-музыке и музыке кантри. Не случайно в стране иммигрантов бродяги-супермены – частые герои голливудских фильмов.

В Сибири перекати-поле называют «катун». Множество «катунов» сегодня не прочь оказаться в Москве, Петербурге или в Краснодарском крае... По данным ВЦИОМ на 10 декабря 2019 г., это почти четверть россиян [11]. Что же их гонит по миру? Жажда жизни? Мечты о путешествиях? Эти «мечтатели» нередко покупают «квадратные метры» в многоэтажных элитных «Новой Москвы», на окраинах Петербурга или Екатеринбурга. Полюбят ли они эти большие города – вопрос. «Обидный призрак нелюбви» поселился в их сердцах с рождения. Они не сумели полюбить свои родные города и поселки.

Сложная это история – обретение корней, но без них нет любви к своей земле. Есть немало примеров, когда цветущая земля становится мертвой только потому, что на ней селятся люди, для которых она чужая.

> Екатеринбург. Городок
чекистов. Архитекторы
И. Антонов,
В. Соколов, А. Тумбасов.
1929–1936
Памятник культуры
федерального значения.
Двор. Фото Леонида
Салмина

Планета пригрозила человеческой цивилизации, породив страшный вирус. Города уже несколько месяцев живут в условиях карантина. Мечта о том, что скоро жизнь наладится и все будет как прежде – иллюзия. «Как прежде» – уже никогда не будет, и города вынуждены будут измениться.

Литература

1. Меерович, М. Г. Рождение и смерть города-сада: Градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. (От идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – 340 с.
2. Арустамян, М. А., Багина, Е. Ю. Ереван-1924: генеральный план // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 114–122
3. Пастернак, Борис. Стихи мои, бегом, бегом... – URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=53398> (дата обращения: 03.06.2020)
4. Бочаров, Ю. П. Доступно ли комфортное жилье россиянам? // Проект Россия. – 2007. – № 2/44. – С. 173–176
5. Петрарка, Ф. Лирика. Автобиографическая проза. – Москва : Правда, 1989. – 478 с. : ил.
6. Александр Беленький. Париж, разрушенный Османом. Как реновировали французскую столицу. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3293747> (дата обращения: 10.06.2020)
7. Паундбери. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%83%D0%BD%D0%B4%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B8> (дата обращения: 13.06.2020)
8. Современная архитектура (СА). – 1930. – № 1–2. – Москва : Объединение современных архитекторов (ОСА). Главное управление научными учреждениями. Государственное издательство. – 66 с. – URL: http://science.totalarch.com/magazine/ca/1930_01_02.rar (дата обращения: 10.06.2020)
9. Гутнов, А. Э., Лежава, И. Г. Будущее города. – Москва : Стройиздат, 1977. – 126 с.
10. Пушкин, А. С. Два чувства дивно близки нам. – URL: <https://omiliya.org/article/dva-chuvstva-divno-blizki-nam-a-pushkin> (дата обращения: 10.04.2020)
11. Инфографика по теме «Иммиграция и эмиграция. Приезжие. Ксенофобия»: «Охота к перемене мест: зачем и почему?» – 30.10.2019. – № 4091. – URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/migration.html> (дата обращения: 10.04.2020)

References

- Arustamyan, M., & Bagina, E. (2020). Yerevan 1924: master plan. Project Baikal, 17(65), 120-128.
- Belenkiy, A. (2017, May 11). Parizh, razrushennyi Osmanom. Kak renovirovali frantsuzskuyu stolitsu [Paris destroyed by Ottoman. How the French capital was renovated]. Retrieved June 10, 2020, from <https://www.kommersant.ru/doc/3293747>
- Bocharov, Yu. P. (1981). Problemy kompleksnogo razvitiya gradostroitelstva. Moscow: Stroiizdat.
- Gutnov, A. E., & Lezhava, I. G. (1977). Budushchee goroda [Future of the city]. Moscow: Stroiizdat.
- Meerovich, M. G. (2008). Rozhdenie i smert goroda-sada: Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1917-1926 gg. (Ot idei poseleniya-sada k sovetskomu rabochemu poselku) [The birth and the death of the garden city: Town-planning policy in the USSR. 1917-1926. (From the idea of a garden-settlement to a Soviet workers' settlement)]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU.
- Okhota k peremene mest: zachem i pochemu? [Desire to change locations: what for and why?]. . (2019, October 30). Infografika po teme "Immigratsiya i emigratsiya. Priezzhie. Ksenofobiya". Retrieved April 10, 2020, from <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/migration.html>
- Pasternak, B. (n.d.). Stikhi moi, begom, begom... [My poems, at a run, at a run]. Retrieved June 3, 2020, from <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=53398>
- Petrarka, F. (1989). Lirika. Avtobiograficheskaya proza [Lyrics. Autobiographical prose]. Moscow: Pravda.
- Poundbury. (n.d.). Retrieved June 13, 2020, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%83%D0%BD%D0%B4%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B8>
- Pushkin, A. S. (2016, February 18). Dva chuvstva divno blizki nam [Two feelings wonderfully close to us]. Retrieved April 4, 2020, from <https://omiliya.org/article/dva-chuvstva-divno-blizki-nam-a-pushkin>
- Sovremennaya arkhitektura (SA) (1930), 1-2. Moscow: Obyedinenie sovremennykh arkhitektorov (OSA). Glavnoe upravlenie nauchnymi uchrezhdeniyami. Gosudarstvennoe izdatelstvo. Retrieved June 10, 2020, from http://science.totalarch.com/magazine/ca/1930_01_02.rar